

Сергей ЛАПШОВ

г. Петрозаводск

Битва при Стуркюро – триумф и трагедия

*«Сей победой Финляндия очищена.
Петр был в восхищении...»*

А.С.Пушкин

Место, которого не было

Это произошедшее 300 лет назад сражение в нашей отечественной истории интересно даже тем курьезным обстоятельством, что название самого места, где, выражаясь высокопарным стилем Петровской эпохи, «Фортуна оружия Российского воссияла» в очередной раз, оказалось перепутано. Тиражируемая во всех отечественных учебниках, энциклопедиях и монографиях все 300 лет «битва при Лаппола» – топонимическая ошибка: такого населенного пункта на месте сражения не существовало. Из-за путаницы в штабных документах «Лаппола» надолго вошла в исторический и научный оборот. А то, что в него вошло, как известно, выходит крайне нелегко...

В шведской историографии данная, как говорилось в Петровские времена, «акция» именуется как «битва при Стуркюро» (Исокюро, «Shlaget vid Storkuro»), в финской – битва при Напо, Нап-

пабю («Napuen taistelu»), так как она имела место 19 февраля (2 марта) 1714 года у этого хутора вышеупомянутого приходского центра бывшей губернии Седра-Эстерботтен (Этеля-Похьянмаа, Южная Ботния), что теперь входит в большой регион Похьянмаа.

Сомнительна ли победа?

Привлекает к себе внимание данное военное событие тем, что является последним в Северную войну 1700–1721 годов крупным сражением русских со шведской военной машиной, особенностями проведения битвы в зимних условиях Финляндии, ее героями, драматизмом действий, а также спорными оценками его итогов и нашими, и зарубежными исследователями и источниками.

«Битва имела решающее значение, Финляндия была покорена ...», «Битва не имела большого значения, стороны разошлись, имея почти равные потери, Финляндия осталась в составе Швеции...», «Шведы были разгромлены...», «Гордиться особо нечем, при двойном превосходстве русские побе-

дили главным образом шведско-финских рекрутов и ополченцев, причем сами едва не были опрокинуты...», «Русских было 8 тысяч против 14 тысяч шведов...», «Русских было 10-11 тысяч против 5 тысяч у шведов, в том числе лишь 4 тысячи регулярных войск...», «Погибло и попало в плен более 5 тысяч неприятелей...», «Безвозвратные потери шведов составили только около 2 тысяч, остальные сумели отступить...», «Финляндия была завоевана...», «Нет, до ее полного завоевания было еще далеко...», «Победа приблизила мир со Швецией...», «Она его не приблизила, война продолжалась еще семь лет...»

Столь широкий разброс мнений, особенно в канун 300-летия битвы (что поделать, историки любят писать к юбилеям), поневоле заставляет поднять и перелистать доступные источники и монографии, тем более по обе стороны Ботнического залива недостатка в них нет.

Принуждение к миру

Итак, после Полтавы (1709) и взятия Выборга (1710) русские армия и флот переводят боевые действия на сторону супостата.

Петр указывал командующему Ингерманландским корпусом генерал-адмиралу графу Федору Апраксину: «Идти не для разорения, но чтоб овладеть, хотя она (Финляндия) нам не нужна вовсе; удерживать по двух ради причин главнейших: первое было бы что при мире уступить, о котором шведы уже явно говорить починают; другое, что сия провинция есть матка Швеции, как сам ведаешь; не только что мясом и прочее, но и дрова оттолеть, и ежели Бог допустит летом до Абова, то шведская шея мягче гнуться станет».

В летнюю кампанию 1713 года Ингерманландский корпус генерал-адмирала Апраксина под главнокомандованием самого царя Петра взял с помощью флота 13 июля Гельсингфорс, затем Борго (Порво), осадил и взял 27 июля столицу герцогства Финляндского Або (Турку).

В сентябре Петр оставил армию, приказав Апраксину продолжать активные наступательные действия.

6 октября 1713 года (здесь и далее все даты по старому стилю) Апраксин нанес поражение корпусу Армфельта южнее Таммерфорса (Тампере) у реки и одноименного местечка Пялькяне (у «Пелькиной кирки»).

Князь Голицын, командующий пехотой, предложил на военном совете смелый план атаки противника, засевшего в узком укрепленном межозерном перешейке за быстрой рекой Пялькяне, уда-

ром в тыл через озеро, и сам его осуществил. 10-тысячный русский отряд туманным утром форсировал озеро Малласъярви на плотках. В трехчасовом упорном бою противник был разбит и отброшен на северо-запад, в Эстерботнию. Потери шведов составили 600 убитых, 255 пленных, 8 знамен и 8 пушек.

Наступила зима, когда войскам положено отдыхать на зимних квартирах, но русские не собирались предоставлять противнику времени для отдыха и сосредоточения.

Ледяной поход

В январе 1714 года Апраксина сменил на посту командующего генерал-поручик князь Михаил Михайлович Голицын, герой победной битвы при Пялькяне. Согласно указанию царя он начал собирать войска с зимних квартир, чтобы идти на Вазу, куда после осеннего поражения отступил корпус Армфельта. Русский полководец собирался найти неприятеля где бы он ни был и дать ему генеральную баталию.

Из солдатских (пехотных) и драгунских полков, стоявших в Южной Финляндии, командующий приказал отобрать в сводные батальоны наиболее здоровых, исправных в службе, имевших боевой опыт солдат. Таким образом в ответственную операцию не отправили балласт – немощных, больных, необстрелянных и необученных.

К 20 января пехота собралась в приботническом городе Бьернеборге (Пори), являвшимся главной квартирой и местом дислокации большинства войска. При этом полки из-под Або для скорости отправлялись на санях – по затратам это то же самое, что в наше время войска перебрасывать на такси.

26 января войска пришли в крепости Моухиярви и Тавастгус (Хямеенлинна), обозы и знамена прибыли днем ранее. Для прибывающей кавалерии устроили магазины, войскам дали отдых. В ожидании сбора драгун и казаков пехота напекла в запас хлеба и насушила ржаные сухари – незаменимую и сытную солдатскую пищу долгого хранения.

Двум батальонам Абоского отряда Романа Брюса с приданной конницей (до 2 тысяч человек) Голицын поручил разведку пути в Эстерботнию. По его приказу у местного населения была закуплена или реквизирована тысяча пар лыж, и перед походом созданные в полках лыжные отряды усиленно практиковались в этом столь необходимом на данном театре «виде спорта».

Командующий под страхом суровых наказаний запретил разорять местных крестьян и приказал

платить им за провиант и фураж. Эта мера улучшила снабжение русских войск.

Идти на Вазу Голицын решил по маршруту Моухиярви – Тавасткюро (Хямеенкюро) – Икалис (Икалинен) – Курикка – Ильмола – Стуркюро – Ваза. Приморский путь был отклонен ввиду его разорения, а круглая дорога Таммерфорс – Лаппо – Ваза – из-за дальности пути.

6 февраля подошла из провинции Саволакс драгунская конница бригадира Алексея Чернцова в составе Тверского и Тобольского полков. Собрались шесть полков наказного атамана Войска Донского Василия Фролова.

7 февраля объединенное 10-тысячное русское войско отправилось в поход. Придя в Икалис, пришлось снова потерять несколько дней на пополнение провианта и фуража, ожидание отставших. В ночь с 14 на 15 февраля в трех верстах от Курикки передовой отряд встретил и прогнал неприятельский пост из 30 кавалеристов и некоторого количества местной крестьянской ландмилиции. 15 февраля русские пришли в Ильмолу, где войскам был дан суточный отдых.

Хотя сам Голицын и не отмечал потом в реляции особых трудностей этого 300-верстного марша, его следует оценить как выдающееся военное достижение, стоящее в одном ряду с переходом войск Суворова через Альпы в 1799 году, Гурко через Балканы в 1878 году и Багратиона через Ботнический залив в 1809 году. Этой зимой в Финляндии выпали большие снега, движение вне дорог было невозможно, а по дорогам – сильно затруднено.

Когда лошади авангарда стали вязнуть в снежной каше, недовольный темпами Голицын приказал послать вперед лыжников, чтобы укатать дорогу. В результате русские довольно быстро преодолели долгий путь, проходя в среднем по 25 верст в сутки, а фактически, с учетом стоянок, гораздо быстрее.

Тяжелое решение

Сразу же после известия о вступлении россиян в Ильмолу все шведские войска в Эстерботнии, включая мобилизованных рекрутов пятой очереди и крестьян-ополченцев, повинувшись приказу генерала Армфельта, покинули свои места расквартирования и жительства в городе Ваза, приходах Стуркюро (Исокюро), Лилькюро (Ванхакюро), Лайхела (Лайхиа), Корсхольм (Мустасаари) и стали собираться на главной позиции у деревни Напа близ Стуркюро, чтобы принять свой последний и решительный бой. Над селами и хуторами Эстерботнии поднялись столбы дыма и пламени. Приказ коман-

дующего гласил: «Рубите леса на засеки и разорьте свои дома сильнее, чем неприятель!»

Армфельт не имел точных сведений о численности русских. Когда он получил 3 февраля донесение разведки о 10 тысячах неприятелей, то счел эту цифру преувеличенной. По крайней мере, 17 февраля в своей реляции в Стокгольм он сообщал о том, что численность войск противника не установлена.

В любом случае отдавать без боя лен Эстерботтен и его главный город Вазу генерал не собирался. Главным мотивом его решения сражаться был прямой приказ Королевского совета.

(Как известно, сам король Карл в это время не имел возможности отдавать прямые приказы армии и государству, так как находился «в гостях» у турецкого султана в крепости Демирташ близ Адрианополя, куда его со свитой турки принудительно доставили из Бендер. Он вернется в Швецию лишь в сентябре 1714 года.)

Таким образом, удержание Эстерботтена с его портами, через которые зимой поддерживался санный путь со Швецией, было последней надеждой сохранения Финляндии или хотя бы части ее. Здесь места были житницей края – на глинисто-черноземных почвах Стуркюро родилась отличная семенная рожь, а также ячмень, в больших количествах вывозимые в Швецию. При потере местных хлебных амбаров, магазинов и армейских цейхгаузов Вазы шведам пришлось бы туго. Отступление без боя равно означало бы гибель армии – от ударов преследующего противника, бескормицы, холода и дезертирства местных солдат. Принятие же сражения на других укрепленных позициях, которых дальше на север просто не существовало, сулило шведам уже гарантированный разгром.

Таким образом, судьба не оставила Армфельту выбора – хуже сражения мог быть только отказ от него. А если уж армии не удастся спасти край, ей остается лишь спасти свою честь...

Впрочем, последние шансы все-таки были: стойкая оборона укреплений в тесных дефиле меж непроходимых лесов и скал, смелая атака, которая порой решает успех даже безнадёжного боя, суровая зимняя северная природа в сочетании с тактикой выжженной земли. Накануне к Армфельту подошло неплохое пешее и конное пополнение и обещалось новое. По последующему его признанию, о будущей битве генерал мучительно думал ночи напролет и наконец решил-ся победить или погибнуть.

15 февраля в местечке Стуркюро, известном самой старой в Финляндии каменной церковью постройки 1310 года, Армфельт провел военный

совет. Почти все командиры высказались за отход, считая баталию самоубийственной. Они предложили отступить, занять и укрепить узкое дефиле западней, у Ильмолы, а не встречать превосходящих силами русских в широком поле, подтянуть подкрепления и крестьянские ополчения. Однако командующий настоял на своем.

Состояние шведских войск

Барон Карл-Густав Армфельт, родом финляндец, один из лучших полководцев короля Карла, его командиры – потомок французских гугенотов де ла Барр, лифляндские и эстляндские бароны полковники фон Майдель, фон Эссен, фон Икскуль, фон Фитингоф, швед Даниэльссон, немец Штерншанц – были потомственными испытанными вояками, прошедшими за тринадцать лет Северной войны огонь, воду и медные трубы, все победы и поражения. В большинстве своем они воевали в Ингерманландии, Карелии и Финляндии, были в битве при Пялькяне.

К этому следует добавить, что ливонские, эстляндские и финляндские дворяне короля Карла сражались с русскими не только как с очередным неприятелем, а как с жестокими врагами, варварами, разорившими и захватившими их отечество, их родовые поместья, и имели к ним личные счеты.

Нелишне вспомнить, что в этой войне, начатой за выход на Балтику русским царем, его войска вторглись в Ливонию и Финляндию первыми, как агрессоры, и предали их тотальному и безжалостному опустошению.

Финляндия переживала, пожалуй, самый страшный в ее истории период, который получил в народе имена «Великого Божьего гнева», «Великого лихолетья» и «Русского ужаса». Мало войны – в 1710 году край почти наполовину опустошила чума. После окончания Северной войны четвертая часть крестьянских хозяйств оказалась заброшенной, а взрослое мужское население трудоспособного возраста – выбитым.

После того как армия Шведского королевства сто лет подряд разоряла чужие страны, война грозно вторглась в дома самих шведов и финнов.

Армфельт принял в августе 1713 года командование у генерал-майора Любекера, за сдачу русскими южной Финляндии преданного суду, приговоренного к смерти, затем помилованного и умершего опозоренным. Его судьбу Армфельт повторять не хотел.

За время командования в Саволаксе, при обороне крепостей Нейшлот (Савонлинна) и Гельсинг-

форс (Хельсинки), а также в сражении при Пялькяне он показал себя храбрым, способным и деятельным военачальником, сумев многое сделать для формирования новых частей, мобилизации малочисленного и необученного финляндского воинского контингента на отпор превосходящему и опытному врагу.

Войска его оставляли желать много лучшего. До половины из них составляли рекруты пятой (!) очереди («femmaningar») и крестьяне-ополченцы ландмилиции («landsvärn»). Казалось бы, Финляндия отдала шведскому королю все что могла и не могла, кости ее лучших сынов лежали на всех полях сражений от Дании и до Украины. Но в ландсверн стали беспощадно сгонять всех мужчин от 15 до 60 лет. Лишь половина получила мушкеты, остальные – пики.

В полках числилось около 500 больных. Армия таяла от дезертирства. Многие солдаты и ополченцы бежали не только от войны, палочной муштры, голода и холода, – они покидали армию по мере того, как русские занимали их родные места, чтобы вернуться к своим семьям. Те местные финские солдаты, что еще оставались в строю, открыто заявляли командирам, что свои дома защищать будут, но в отступление не пойдут.

В связи с острой нехваткой людей Армфельт просил губернатора провинции о дополнительной мобилизации крестьян, но по известным причинам эта мера опоздала.

Как боевая подготовка, так и боевой дух вчерашних крестьян были весьма невысоки, учитывая тот очевидный всем факт, что эту войну шведская корона медленно, но верно проигрывала. Финнам до смерти надоели господа шведы с их вечно воюющим с кем-то королем, которого никак бог не приберет, разорительные налоги, воинские наборы, повинности и постой, не раз доводившие герцогство Финляндское до восстаний.

Так как королевская власть не смогла защитить народ от врага, во многих местах летом 1713 года крестьяне перестали платить королю налоги, а воинские команды, которые пытались взимать налоги силой, стали избивать.

Однако угроза разорения своего края беспощадным врагом побуждала многих солдат, крестьян и мещан с оружием в руках храбро защищать родную землю, семьи, дома и имущество.

Регулярные части Армфельта выглядели лучше, учитывая значительный процент ветеранов. Очень плох был конский состав, что ограничивало возможности разведки и набеговых действий, да и ударной мощи. В целом финские рейтары и драгуны уже не имели былой подготовки и боевого духа.

При Пялькяне, получив хороший шанс сбросить десант русских в озеро кавалерийской атакой, они повели себя нерешительно, вступили в перестрелку, и бой был проигран.

К тому же зима не лучшее время для кавалерии – по сугробам особо не поскачешь, а снежный наст режет до крови ноги лошадям.

Провиантом и зимним обмундированием войска были обеспечены достаточно.

Хотя финские полки, как следует из вышеизложенного, были уже далеко не те, что при Нарве и Полтаве, шведские командиры еще твердо удерживали их в тисках дисциплины и могли еще раз отправить это пушечное мясо в «последний и решительный бой».

Силы шведов

Говоря о корпусе Армфельта, мы будем употреблять термины «шведы», «шведско-финские войска», «каролинеры», «каролинцы», не уподобляясь тем финляндским авторам, которые патриотично пишут в данной связи исключительно о «финнах», «финских войсках» и даже «финских победах и поражениях».

Хотя финны и составляли большинство населения в герцогстве Финляндском, процент шведов в западных ленах был довольно высок. О «финляндской армии» в Шведском королевстве не могло быть и речи – были полки, состоявшие из финнов, под командой шведов и немцев.

Относительно численности сил шведов оценки российских и зарубежных историков расходятся. Согласно наиболее, на наш взгляд, корректным данным шведского историка Уддгрена, силы каролинцев были следующими.

Пехоту составляли ослабленные и неуккомплектованные остатки финских полков индельты, потрепанные при Пялькяне.

(Индельта – принятая в 1682 году в Швеции система поселенной армии, при которой один, два и более крестьянских надела, составлявшие индельту (участок), выставляли одного солдата, пехотинца или рейтара. Крестьяне индельты обеспечивали поселенного солдата небольшой земельной делянкой, домом, где он жил с семьей, имуществом и инвентарем, провиантом и униформой. В мирное время солдат работал на своих снабженцев. Казна предоставляла ему оружие, боеприпасы, амуницию, коня. Кроме того, офицерам полков индельты строили стандартные усадьбы, размером и удобствами соответствующие чину.

Уезд выставлял роту, губерния (лен) – полк того

же названия, например, «Эстерботтенский полк», «рота Каликс». Полк имел на знамени герб своей провинции. Во время войны в случае надобности индельты могли выставлять новых рекрутов вместо выбывших из строя или выставлять новый полк второй, третьей, четвертой очереди. За время 20-летней Северной войны крестьянам Шведского королевства пришлось выставить пять, а то и шесть очередей индельты.)

Главной силой сражения были двух- и однобatalьонные пехотные полки: Абоский (455 мушкетеров и пикинеров), Саволакский (566), Эстерботтенский (669), Бьернеборгский (412), батальоны Тавастгусского (256), Нюландского (326) полков, батальон, фактически рота Выборгского полка (125), вербованный финский батальон майора Ватранга (224). При этом штатная численность пехотного полка составляла 1200 человек.

Финская крестьянская ландмилиция под командованием местного помещика графа К.Гюлленлеве насчитывала 1016 человек. В строй встало также бюргерское ополчение – 70 вооруженных мешчан города Ваза.

Кавалерия под общим командованием полковника барона Райнхольда Юхана де ла Барра включала рейтарские (конные) полки: Карельский (301 конный рейтар), Нейшлотско-Выборгский (225), Нюландско-Тавастгусский (384) и Абоско-Бьернеборгский (628). В некоторых источниках в этом числе указывается также Ингерманландский вербованный драгунский полк (301 драгун).

Кроме того, имелись остатки разбитых частей – офицер, капрал и 8 солдат роты Шведско-Финляндского аделсфана (полка из рекрутов дворянских имений), включенные в Карельский рейтарский полк, а также десятка три драгун Сословного эскадрона (служили королю по наследству). Кавалерия подразделялась на 22 роты по 50-80 человек. Некомплект по полкам составлял от 10 до 27%.

Артиллерия под командой майора Клевершельда насчитывала всего шесть легких 3-фунтовых орудий и одну 6-фунтовую гаубицу, 48 артиллеристов.

Исключая некомплектантов, то есть интендантов, медиков, священников, маркизантов, слуг, обозных, женщин, силы генерал-майора Армфельта насчитывали 3033 человек регулярной пехоты, 1547 человек кавалерии и 1086 человек ландмилиции. Итого – 5680 человек.

В связи с некомплект полков, сведенных в батальоны, ими фактически командовали подполковники и майоры, а полковники стали командирами временных бригад и отрядов.

Укомплектованность корпуса Армфельта командирами была довольно хорошей. На регулярную

пехоту приходился 141 офицер и 206 унтер-офицеров, на кавалерию соответственно 82 и 39. Неполные пехотные батальоны насчитывали в среднем по 10-12 офицеров, а в батальонах Нюландского и Тавастгусского полков – даже по 25.

Наутро 19 февраля первоначальный шведский «ордер баталии», согласно карте, приложенной к последующей реляции Армфельта, был следующим.

В центре стали в одну линию в три-четыре шеренги батальоны Абоского, Тавастгусского и Саволакского полков, объединенные в бригаду полковника барона фон Икскуля (1270 мушкетеров и пикинеров). На левом фланге – Эстерботтенский полк и батальон Ватранга, объединенные в бригаду полковника фон Майделя (890). На правом фланге – батальоны Бьернеборгского, Нюландского и Выборгского полков, объединенных в бригаду полковника барона фон Эссена (860). Всего – 12 пехотных батальонов.

На флангах пехоты встала кавалерия. На правом фланге в три шеренги – половина Карельского рейтарского полка майора Бракеля, Нюландско-Тавастгусский рейтарский и половина Абоско-Бьернеборгского рейтарского полка под общей командой полковника барона де ла Барра (1000 всадников). На левом слабейшем фланге насчитывалось 10 рот, вторая половина Абоско-Бьернеборгского рейтарского полка, вторая половина Карельских рейтар и Нейшлотско-Выборгский рейтарский полк (до 500 всадников).

Крестьян ландсверна поставили в жидкую вторую пехотную линию – 256 мушкетеров и пикинеров группами по 50-80 человек. Еще 200 ополченцев стали пехотным прикрытием правого крыла кавалерии, 250 – левого крыла.

Артиллерия была равномерно расположена по два орудия перед пехотным центром, в помощь ей было выделено 80 крестьян. Холм в деревне Напо оказался удобен для устройства редута, сооруженного из раскатанных крестьянских изб, с амбразурами для пушек. Полевое укрепление защищали 100 солдат и 200 ополченцев под командой подполковника Нюландского полка барона фон Таубе. Наконец, 80 ратников ландсверна оставили для охраны обоза в Стуркюро.

Стояние при Напо

Итак, к полудню 17 февраля шведская армия заняла позиции в дефиле меж лесов и скал поперек покрытой толстым льдом реки Кюронйоки у хутора Напа.

Поле битвы, лежащее в трех верстах от Стуркюро, Армфельт нашел весьма подходящим для оборонительного боя. Скорее всего, именно предоставленные природой тактические преимущества и побудили его дать сражение. Покрытые глубокими снегами поля вдоль ледяной реки Кюронйоки шириной до ста метров раскинулись мили на полторы вширь и мили на две в длину. Они были окружены лесистыми холмами, скалами и болотами, дефиле сужалось к юго-востоку. Вдоль обоих берегов тянулись дороги на Вазу.

При подготовке к баталии Армфельт допустил первый серьезный просчет: он ошибся в сроках подхода неприятеля, что в зимних условиях приобрело большое значение. В результате почти три дня, с 17 по 19 февраля, шведско-финские войска, демонстрируя национальную стойкость, стояли в боевых порядках в ожидании появления противника без отдыха день и ночь, на морозе, засыпаемые метелями и продуваемые ледяными ветрами, не всегда имея возможность греться и получать скудную пищу у редких костров. Это не могло не сказаться на моральном состоянии и боеспособности солдат и ополченцев, а также числе обмороженных и больных.

Желая поднять их боевой дух, главный поставщик армии богатый купец Фризиус объявил, что после победы над русскими готов выплатить офицерам месячное жалованье, а солдатам – сумму ежемесячного винного довольствия. После этого радостного известия шведские воины все как один по старой традиции стали бряцать оружием и пообещали стоять сколько потребуется.

При приближении неприятеля Армфельт объехал ряды войска, призывая полки к жертвенному подвигу за Бога, Короля и Отечество, к защите своих очагов и семей. По свидетельству генерала, он наблюдал душераздирающие сцены: солдаты клялись ему победить или умереть, многие молились, стоя на коленях со слезами на глазах...

Силы русских

Войска генерал-поручика князя Михаила Михайловича Голицына, приближавшиеся к полю неминусимой битвы, состояли из пехоты, регулярной конницы – драгун, способных также действовать в пешем строю, иррегулярной конницы – казачков, артиллерии и обоза.

Пехота под командой генерал-поручика Ивана Бутурлина и генерал-майора Григория Чернышева включала 2-й Гренадерский полк Дениса Бильса и Великолукский (Луцкий) солдатский (пехотный)

полк Андрея Остафьева, оба неполного состава, и восемь сводных батальонов примерно по 800 человек, куда было собрано по две-три роты солдат из десяти солдатских полков – 1-го Гренадерского Федора фон Менгдена, Санкт-Петербургского (т.н. «губернаторского», бывшего Николая Нейдгардта), Сибирского Кристиана фон Клингенберга, Галицкого Василия Пострикова, Архангелогородского Андрея Бордовика, Московского Степана Чубарова, Троицкого Виллема фон Дельдина, Казанского Ивана Безобразова, Нижегородского Юрия Минстермана, Вологодского Ивана Лигнеца и Выборгского гарнизонного Саввы Балобанова.

Всего пехоты – 5588 человек, в том числе 278 офицеров.

Все вышепоименованные солдатские полки получили в 1712–1713 годах пехотные пики для вооружения от трети (400) до одной восьмой солдат (144). Сколько человек из сводных батальонов были пикинерами, неизвестно. Однако по опыту Полтавской битвы и Прутского похода можно предполагать, что пики были опять оставлены ради мушкетов, что обеспечило русским лучшую огневую мощь, чем у шведов, у которых по штату треть солдат составляли пикинеры.

Кавалерия под командой генерал-майора Федора Чекина, заменявшего заболевшего и отъехавшего в Петербург князя Александра Волконского, включала бригаду Чекина в составе полков: Вятский Ивана Грекова, Вологодский Ивана Пауэра, Нарвский Ариста фон Манштейна, Луцкий князя Тимофея Путятина, и драгунскую бригаду под командой бригадира Алексея Чернцова – Тобольский Василия Аракчеева, Тверской Михаила фон Шульца, Олонекский де Тегильяка и элитный драгунский «генеральный лейб-шквдрон» губернатора Санкт-Петербургского, Карельского и Ингерманландского, герцога Ижорского, светлейшего князя Александра Даниловича Меншикова (200 офицеров и дворян).

Всего регулярной кавалерии – 7 драгунских полков неполного состава и эскадрон, 2 907 человек, 205 офицеров. Состояние конского состава драгунских полков было очень плохим, что заставляло использовать драгун преимущественно как «ездящую пехоту».

Кроме того, конница включала шесть полков на казеного атамана Войска Донского Василия Фролова (это был первый донской атаман, не избранный на кругу, а назначенный «наказом» царя). По разным оценкам, казаков насчитывалось от 1000 до 1600 (в любом случае историки сходятся на том, что в сражении реально приняли участие лишь около половины из них). Донские, татарские и калмыцкие кони казаков были выносливее и резвее драгунс-

ких, а за счет того, что постоянно находились в грабительских «подъездах», получали лучший корм.

Артиллерия насчитывала двенадцать пушек, перевозимых на санях, – восемь 3-фунтовых и четыре 2-фунтовых, по две на каждую драгунскую бригаду.

Таким образом, русские войска имели около 10 тысяч пехоты и конницы, что обеспечивало почти двойное превосходство над противником, а учитывая качество – превосходство еще большее.

Русский командующий, еще при жизни прозванный «герой и муж отваги», увенчанный лаврами взятия Ниеншанца, Доброго, Лесной, Полтавы, где он, командир Семеновского полка, командовал гвардией, и Пялькяне, где он уже бил Армфельта, – пожалуй, единственный человек из плеяды полководцев Петра, о котором все современники отзывались только положительно. О «князь Михайле княж Михайлове сыне Голицыне» ходили в армии легенды.

В решающий момент штурма Ниеншанца, когда гвардейцы его отряда встали под губительным огнем со стен крепости, Голицын получил приказ царя отступить на тот берег. В ответ на это он велел оттолкнуть от берега лодки и сказал ординарцу: «Передай Государю, что мы уже не в его власти, а в Божьей...»

После победы при Добром царь предложил ему выбрать себе награду, на что Голицын вместо награды попросил его простить разжалованного в солдаты генерала Репнина, своего соперника и недруга.

Отечески справедливый к солдатам, он был равно уважаем как подчиненными, так и генералитетом. Что же касается царя, лишь его одного Петр не спаивал на пирах и ассамблеях и не привлекал в синклит разнузданного и святотатственного «Всешутейшего и всепьянейшего собора».

В канонический «настенный пантеон» русских полководцев, однако, Голицын не попал. При Романовых – за причастность его брата к заговору против императрицы Анны Иоанновны, при Советской власти – за княжеский титул и желание историков все победы приписывать то Петру Алексеевичу, то Иосифу Виссарионовичу.

Голицын, Бутурлин, Чернышев, князь Волконский, Чекин, Чернцов, Брюс, начинавшие с «потешных» и взлетевшие орлами «птенцы гнезда Петрова», русские и иноземные полковники, многие штаб- и обер-офицеры Ингерманландского корпуса имели большой, иные почти 20-летний опыт походов, батальи и рейдов, в том числе и на данном театре. Среди отборных солдат гренадерских, солдатских и драгунских полков отряда было немало ветеранов сражений в Ливонии, Ингерманландии, Литве, Малороссии, в Померании и Финляндии, победителей при Полтаве и Пялькяне.

Русский дебют Голицына

17 февраля в три часа пополудни русские вступили в деревню Пельма, в трех верстах от шведской позиции. Казаки под командой капитана Вятского драгунского полка Соловкина выяснили местоположение шведов и их примерные силы, а отряд лыжников капитана Вындомского захватил на хуторе Куйвила несколько пленных, в том числе квартирмейстера Ингерманландского полка, от которого были получены важные сведения о составе и численности противника.

18 февраля Голицын со свитой выехал на рекогносцировку, причем, что интересно, в этот же день выезжал с этой же целью и Армфельт. Вернувшись, князь собрал военный совет, на котором было принято безальтернативное решение атаковать неприятеля, силы которого оценивались примерно от 4 до 6 тысяч.

Полководческий замысел русского стратега был таков. Не вступая во фронтальное столкновение с укрепившимся в узком дефиле неприятелем, выставить на реке для демонстрации и прикрытия обоза четыре драгунских полка под командой Чекина с казаками. Главными же силами – зайти лесами в обход левого фланга шведов. Если даже не удастся их обойти и атаковать и они своевременно развернутся навстречу, силы противника будут расколоты, появится пространство для маневра. Врага можно будет бить по частям, во фланг и тыл, используя свое преимущество в силах, выйдя из дебрей на необходимый простор снежных полей севернее реки Кюрозльв.

Казачьим полкам атамана Фролова была поставлена задача идти в обходной рейд для нарушения тылов, отвлечения сил противника, блокирования путей его отхода и преследования.

Как и при Пялькяне, Голицын принял решение ударить главными силами в тыл врагу, только уже не через воды озера, а через непроходимые лесные дебри.

Ранним утром 19 февраля войска, перестроясь в две колонны, начали обходной марш-маневр через снега, леса, скалы и замерзшие болота. Оценивая его с позиций сегодняшнего дня, следует признать: солдаты, драгуны и казаки Голицына сделали невозможное. Попробуйте-ка на лыжах ли, без лыж, на конях, с санным обозом позади пройти даже нынешними карельскими лесами в феврале хотя бы метров двести-триста!

Впрочем, войска не шли совсем наугад. Эти долгие пять верст русских кратчайшим и удобнейшим путем провел через лесистые холмы, скалы и большие болота Яурисуо местный крестьянин Маттс Па-

ульссон Туури (Матти Паавонпойка), согласившийся послужить завоевателям то ли под страхом лишения головы, то ли за обещанное вознаграждение. Финляндия не обрела в нем отечественного Ивана Сусанина, но имя его сохранила. Вторую колонну вел какой-то пойманный по дороге безвестный торговец. Известно, что Голицын презрительно вознаграждал услуги «гидов» сакральной суммой в тридцать серебряных ефимков.

К полудню русские войска начали выходить из лесов на северо-восточной окраине полей у Напо и приступили к развертыванию в намеченные боевые порядки у хуторов Хаутала и Лорва.

Поворот «все вдруг»

Армфельт был достаточно опытным полководцем, чтобы предвидеть и понять движения противника. Но в данном случае он опоздал с реакцией, – из-за отсутствия разведданных, недооценки врага и в значительной степени оттого, что русские совершили свой марш-маневр в труднопроходимых снежных лесах необычайно быстро. Слишком поздно осознав, что выдвинувшийся по реке на 3-4 версты от главных сил конный авангард противника – это лишь демонстрация и прикрытие, а основные силы московитов сейчас обходят по лесу и скоро навалятся с фланга и тыла, генерал приказал спешно развернуть линии на 45 градусов фронтом на северо-восток вдоль реки Кюро. Кто успеет раньше?!

Войска Армфельту пришлось разделить. Для прикрытия с юго-востока от драгунского отряда Чекина были оставлены у редута Напо 200 солдат и 100 крестьян ландсверна под командованием подполковника Нюландского пехотного полка барона фон Таубе. Южнее от редута осталась также вся так называемая «Карельская кавалерия» де ла Барра (1 000 финских рейтар, в том числе половина полков Абоско-Бьернеборгского и Карельского, неполный Нейшлотско-Выборгский полк). Правее стал отряд майора Бьернеборгского полка фон Зиссинга – 100 солдат и 200 ополченцев.

Тяжелые эволюции почти по пояс в снегах шведам удалось завершить и выстроиться в линию раньше только что показавшихся из леса неприятелей.

Тут Голицын, надо признать, сильно рисковал. Если бы противник предвидел его замысел и успел своевременно развернуться и подойти к самой опушке леса, русским было бы несдобровать. Голову огромной колонны русских, медленно выползающую из чащи по тесной тропе, Армфельт мог встретить огнем пушек и мушкетов и затем атаковать, ос-

тановить ее, потеснить, сбить в неуправляемую толпу, обойти и блокировать в лесных чащах и сугробах, превратив сражение в «ликвидацию котла».

Впрочем, войны без риска не бывает, и для Голицына риск оказался оправданным.

Битва отчаяния

Около полудня началось сражение, прозванное в Швеции и Финляндии «Битвой отчаяния».

Голицын применил новаторский боевой порядок в четыре линии, две пехотных и две кавалерийских – в первой шесть пехотных батальонов, во второй три пехотных и три гренадерских батальона, в третьей и четвертой – три драгунских полка и лейб-шквдрон в шахматном порядке.

Русская артиллерия была расположена на флангах, а не равномерно по фронту, как было принято ранее. Это позволяло вести как фронтальный, так и фланкирующий огонь.

Ситуация для шведов складывалась наихудшим образом – если раньше они сидели в дефиле у Напо как пробка в бутылке, теперь приходилось растягивать почти на целую милю жидкий фронт против эшелонированных порядков русских. Поэтому Армфельт сразу же решил атаковать первым, в стиле шведской агрессивной тактики, и смять еще не полностью построившийся левый фланг противника силами своего правого фланга и центра, полагая в этом свой единственный шанс на победу. Более слабый левый его фланг должен был сдерживать неприятеля.

Сражение начала шведская артиллерия, по два орудия расставленная по всему фронту. Она произвела шесть залпов и замолчала, чтобы не поразить свою атакующую пехоту. Русские пушки отвечали, перестрелка продолжалась около часа.

Тем временем шведы, прикрываясь продолжающей метелью и дымом от подожженного хутора Турпала, медленно двинулись вперед через метровые снега. (Распространенная ошибка кинематографистов – пехота во времена Петра и Карла никогда не бегала в атаку с криками «ура». Она наступала молча, держа строй локоть к локтю, под ритм барабанов и флейт мерным, медленным или скорым шагом, причем не в ногу.)

Сине-желтые шеренги Эссена, Икслюля и Майделя сблизилась с противником вплотную, производя с остановками для стрельбы несколько залпов, последний с 12-15 метров – практически в упор.

По последующему признанию выдавшего виды русского командующего, «такого скорого и тяжкого огня на мою особу никогда не было...»

Пехота русских продемонстрировала потрясающую выдержку, открыв ответную пальбу с расстояния, с которого мушкетеры уже различали лица врагов, возникших из порохового дыма и метели.

Палили шереножно, сдваивая развернутый строй и перестраиваясь из шести шеренг в три, или по очереди повзводно, когда первая шеренга опускается на колено, две стреляют в интервалы, или методом караколирования – когда стрелки задних рядов поочередно проходят через передние шеренги, стреляют и уходят обратно для перезаряжания мушкетов.

Русская артиллерия буквально рвала на части шведскую пехоту ядрами и картечью в упор. Ее вклад в победу весьма значителен: она произвела за всю баталию в десять раз больше выстрелов, чем неприятель.

После этого массового взаимного расстрела началась рукопашная – неустрашимые шведы, невзирая на огромные потери, сошлись с врагом в штыки и пики. Передовые их шеренги сражались «шведским маниром», действуя ружьем со штыком правой рукой, а шпагой – левой.

По свидетельству Армфельта, на поле боя образовался вал из мертвых тел высотой 6-7 футов (около двух метров).

Бригада Эссена сумела потеснить два русских батальона левого фланга, не успевших полностью построиться и сильно поредевших под неприятельским огнем, и взять русскую батарею. Голицын выправил положение, бросив в прорыв батальон гренадер и драгунский полк в пешем строю. В свою очередь Армфельт укрепил бригаду Икслюля переброской Абоско-Бьернеборгского рейтарского полка с левого фланга и какой-то пехоты.

Шведы возобновили атаку на русский левый фланг, снова потеснили его почти до самого леса и снова были остановлены.

Стойко держался в центре русской позиции Великолукский полк полковника Андрея Остафьева, не уступая шведам ни на шаг. В битве он потерял капитана, капрала и 38 солдат убитыми, более сотни ранеными.

Генерал-майор Чернышев сражался вместе с бывшим своим Московским полком в гуще боя. Под ним убило двух лошадей и ранило третью, он был ранен два раза легко и наконец тяжело – пуля попала в кость.

Страшная резня на штыках, а также пиках, алебардах, шпагах, палашах и прочем холодном оружии продолжалась уже полчаса. Противники бились в молчании, прерываемом лишь стоном раненых и лязгом железа. За «варварские крики», мешающие подаче команд, в обеих воюющих армиях офицеры должны были карать смертью на месте.

Жестоко наказывалось и самовольное бегство с поля боя. Если бежало целое подразделение, то всех его офицеров без разбора вешали, а солдат по древнеримскому обычаю подвергали децимации — расстреливали каждого десятого по жребию.

Уже шесть из десяти русских пушек были в руках врага, русские линии гнулись, но Голицын все не отдавал приказа на контратаку, не вникая нетерпеливым призывам соратников и штабных. Он поистине с ледяным спокойствием выжидал, пока войска вытопчут снег настолько, чтобы по нему можно было пустить кавалерию.

Почти чувствуя себя победителем, Армфельт приказал в третий раз атаковать русский левый фланг, собираясь пустить в решающий бой кавалерию. Как вдруг...

Разгром

Около 14 часов в сражение вступила в пешем порядке драгунская бригада Чернцова, до поры укрытая за пехотным строем — Тверской, Тобольский, Олонецкий полки и лейб-шквадрон «светлейшего». Более тысячи спешенных всадников стали обходить и глубоко охватывать левый слабейший фланг шведов. Белоснежный горизонт полей Стуркюро будто окрасился в цвета российского флага: русские драгуны тогда носили красные и васильковые епанчи.

Голицын сделал «ход конем», который Армфельту, воевавшему без резервов, парировать было нечем.

О том, что драгуны действовали именно в пешем строю, следует из «Журнала боевых действий 1714 года»: конница «введена была в линию, где жестоко багинетами кололись и неприятеля с поля сбили». Русские пехотные линии также перешли в наступление на флангах.

Левое крыло шведов попало в окружение. Армфельт попытался было его выручить, но в спасении уже нуждался он сам и его войско, — русские контратаковали в центре и на правом фланге.

В тылу шведов, на реке близ хуторов Перттила и Мяки-Тайпале, вдруг появились конные толпы лихо гикающих и посвистывающих бородатых всадников, с копьями, кривыми саблями, в высоких бараньих шапках — это были казаки, ужас и «божья кара» Финляндии. Конница наказного атамана обошла шведов лесами с севера и с юга. Часть донцов-удальцов лихо проскакала по льду Кюрозльв до самого редута Напо, рубя и беря на пики встречных-поперечных, наводя панику и хаос. Впрочем, казаки по своему обыкновению осо-

бо не лезли на рожон, отскакивая от залпов мушкетеров сплоченной пехоты и пушек редута.

Перед корпусом Армфельта замаячила реальная угроза окружения. Сермяжные воины ландсверна, увидев в своем тылу русских казаков и драгун, первыми бросились спасаться в лесу. Таким образом, первая линия регулярной пехоты как бы «повисла в воздухе».

Русские «фигуры» двигались по шахматной доске сражения планомерно и методично. Бригада генерал-майора Чекина — Вятский, Вологодский, Нарвский и Луцкий драгунские полки, перешла в наступление с востока, опрокинула форпост на реке, ударила по кавалерии де ла Барра, после чего зашла в тыл шведской пехоте Эссена. Частью сил, охватывая редут у Напо, драгуны добрались и до отряда майора фон Зиссинга и в скоротечном бою положили его почти весь. К своим из него вышли лишь лейтенант и десятка два солдат.

Наступление русских не вызвало никакого противодействия сильной кавалерии де ла Барра, оставшейся до того в роли пассивного наблюдателя. Когда барон увидел впереди наступающих русских драгун, а сзади казаков, то решил прорываться на Стуркюро, бросив на гибель пехоту и редут. При этом командующий кавалерией показал подчиненным дурной пример, ускакав с поля боя первым.

Под ударами со всех сторон шведско-финские войска дрогнули, морально сломались, смешались в беспорядочную массу, утратили дисциплину, управление и обратились в бегство.

В долине реки Кюро образовался, выражаясь термином Второй мировой войны, «блуждающий котел». Беспощадно побиваемые шведско-финские солдаты и ополченцы отчаянно пытались искать спасения группами и поодиночке. Те, кто не мог пробиться через кольцо окружения на запад и северо-запад, толпами ломанулись на юг, в густые леса.

Уцелели и прорвались в основном те, кто сохранил строй, порядок и дисциплину. Сам Армфельт отступал на северо-запад, на Лайхия, во главе отряда, состоявшего из избитых и израненных остатков Нюландского полка, шефом которого он был, и потрепанных батальонов четырех других полков. Сумели прорваться вслед за ним и изрядно поредевшие Эстерботтенский и Тавастгусский полки.

Последним очагом героического, но уже бесполезного сопротивления стал редут у Напо, где пали на орудиях артиллеристы и местные крестьяне, погибшие на своей земле при защите своих родных домов.

Менее чем через два часа после начала битвы все было кончено. В страшной сече три финских пехотных полка погибли почти целиком, осталь-

ные рассеялись по лесам или, неся потери, спешно отступали по дорогам к Ботническому заливу, преследуемые конницей. Полегло или попало в плен большинство крестьян ландсверна. Повезло тем, кто имел при себе лыжи и успел их наострить – говорят, финна на лыжах сам черт не догонит.

Кавалерии, как всегда в ретире, повезло больше пехоты, – многих финских рейтар их неказистые, но выносливые лошади вынесли из кровавых снегов Стуркюро.

Русская армия соединилась на Вазской дороге, конница продолжила гнать отступающего неприятеля. В реляции генерал-майора Чекина указано, что казаки и драгуны преследовали шведов по дорогам, полям и лесам двадцать верст «и многих неприятельских воинских людей побили». Фактически конница преследовала противника только 12 верст, заночевав у хутора Лаука в 8 верстах от Вазы, и на следующий день двинулась дальше. Пехота к вечеру 19-го заняла Стуркюро, ополченцы, охранявшие обоз и войсковую казну, разбежались.

Только 21 февраля основные силы победителей подошли к стенам Вазы, которую практически некому было оборонять. После переговоров о капитуляции, то есть о свободном выходе гарнизона и мещан, русские 23 февраля вступили «на честный аккорд» в почти пустой город, который покинуло население. Были захвачены богатые трофеи, в том числе девять пушек.

Пейзаж после битвы

Русская кавалерия разорила все и вся в округе на 90 верст, край был предан огню и мечу. История края полна жуткими свидетельствами о жестокостях завоевателей, – так якобы русские безжалостно убивали всех встреченных на своем пути взрослых мужчин. По оценкам финских исследователей, в плен было угнано около 8,5 тысячи мирных жителей Эстерботтена. Этот «полон», мужчин, женщин и детей, казаки и солдаты продавали потом в военных лагерях как на невольничьих рынках офицерам-помещикам, которые отправляли их в свои российские имения. Кроме того, полоняников угоняли на строительство Петербурга.

Немногие из пленных вернулись домой после заключения мира.

Более 20 тысяч жителей провинции бежали в Швецию по льду Финского залива.

Впрочем, в «Журнале действий 1714 года» излагается и случай, когда местному населению повезло: «В день 28 февраля из Ваз отправлен был в партию бригадир Чернцов до Нью-Карлебу, и жи-

тели оного Нью-Карлебу и Гамла-Карлебу, не допуская себя до разорения, просили, чтоб им быть под протекцией Государя; и тому их прошению были даны универсалы, чтоб жили в своих домах безопасно, и взята с них контрибуция».

Сегодня финские описания русских зверств кажутся ужасным варварством, однако в начале XVIII века подобным же образом воевали все европейские и азиатские державы, еще не знакомые с гуманными требованиями Гаагской и Женевской конвенций. Разорение операционной базы противника в то время было закономерной, хотя и жестокой реалией войн. А разве подобное же не имело места, скажем, в 1999 году в Югославии, только с помощью авиации? И потом – разве убить человека атомной бомбой или крылатой ракетой гуманнее, чем пулей или саблей?

Разорив провинцию настолько, чтобы шведы, даже вернувшись, не смогли бы угрожать с этой стороны русским, войска Голицына в начале марта отошли в Южную Финляндию ввиду наступающей весенней распутицы.

Армафельт с уцелевшими после поражения три дня уходил от русской погони на север, где собрал около 3 тысяч измотанных, голодных, деморализованных и потерявших боеспособность солдат в районе Ништад (Усикаупунки) – Якобстад (Пие-тарсаари) – Брахестада (Раахе) – Пигайоки. В Швецию, как утверждает в некоторых российских публикациях, он не ушел, отступив из Улеаборга в Торнео лишь в 1716 году.

К вопросу о потерях

После битвы при Напо в реляции в Королевский совет генерал главной причиной поражения назвал численное превосходство неприятеля. Оправдывая себя и свои войска, он писал: «Все офицеры от высших до низших, а также солдаты и крестьяне выказали в битве необычайное и неустрашимое мужество... Я не способен вполне оценить отвагу, оказанную офицерами и солдатами в опасностях сражения. При всем желании я не в силах достойно скорбеть о павших. Все они проявили презрение к смерти... Я видел тяжело раненных, сражавшихся до последнего вздоха. Я видел мертвых солдат, не выпустивших из рук мушкетов, штыки которых были в телах убитых ими врагов... Все решились победить и умереть...»

Все ли? По свидетельству Армафельта, тела павших воинов покрыли широкое поле сражения так, что по нему невозможно было ехать на лошади.

Сколько шведов и финнов осталось лежать в бе-

лоснежных снегах под Стуркюро? И сколько русских? Так как у историков разных стран по этому поводу существуют существенные разногласия, нам придется предложить заинтересованному читателю некоторое количество скучной статистики.

Согласно победному рапорту Голицына государю, неприятель потерял убитыми 5134 человека, в плен взято 535 человек, в том числе 20 офицеров и около 200 крестьян. Трофеями русских стали 20 знамен (скорее всего ротных, а не полковых), 7 пушек и много другого превосходного шведского огнестрельного и холодного оружия, обоз с разнообразными припасами, сундук с войсковой казной, много лошадей.

Свои потери русский командующий показал в 421 убитого и 1014 раненых. Однако в этом случае от русского воинства живым не ушел практически ни один супостат, а за одного убитого русского шведы заплатили жизнями двенадцати своих солдат. Таких интенсивных и неравных потерь не дало даже Полтавское сражение, куда более масштабное и продолжительное, да и любое другое сражение Северной войны. А ведь битва при Стуркюро продолжалась около двух часов, при этом около половины времени ушло на взаимные перестрелки. Можно ли представить, что за час сражения было истреблено столько людей? Это все-таки было сражение, а не массовая казнь!

На поле боя, оставшемся за русскими, ими было подобрано и похоронено 1165 мертвых тел, своих и неприятельских. Массовое захоронение шведских солдат было произведено на месте, русских – на кладбище при кирхе Стуркюро. Таким образом, за вычетом русских число погибших на самом поле брани шведов должно быть на уровне 730–750 человек.

Однако многих из убитых занесло снегом. Русские солдаты, отряженные в похоронные команды, уставшие после долгого изнурительного боя, наверняка не утруждались стаскивать тела всех своих павших врагов в братские могилы, которые к тому же приходилось долбить в земле, промерзшей почти на аршин. По свидетельствам финских источников, много тел лежало на поле в течение нескольких недель, на потребу волков, то есть до самого таяния снегов.

К числу безвозвратных потерь следует добавить убитых в ходе преследования до Вазы и Гамла-Карлебю, замерзших в лесах и умерших от ран.

Если сравнить известную численность рядового состава армии Армфельта накануне битвы (4600) и после, на 17 марта (3292), то разница получается в 1308 капралов и рядовых.

По шведским спискам потерь офицеров по пол-

кам, они составили 150 человек убитыми и 20 пленными. (Для сравнения: русские потеряли из 483 офицеров, не считая казачьих, несколько десятков павшими и умершими от ран, в том числе полковника Сибирского солдатского полка Кристиана Клингенберга.)

Потери крестьянского ландсверна составили несколько сот убитыми и 200 человек пленными.

Итожим и получаем цифру порядка 2 500 – 2 700 убитыми, ранеными и пленными (число последних, 500–530 человек, не оспаривается сторонами). Итого – 2 200–2 500 убитыми и ранеными.

В Абоском пехотном двухбатальонном полку из 24 офицеров было потеряно 19, погибли 10, ранены 2, в том числе командир подполковник Эрнст Виллебранд, пленены 7.

Бьернеборгский пехотный двухбатальонный полк из 21 офицера потерял 19, погибло 14, в том числе шеф полка полковник Одерт Рейнгольд фон Эссен, павший смертью героя в рукопашной со шпагой в руке (при погребении на теле его насчитали тридцать две (!) штыковые раны).

Погиб и майор Адам фон Зиссинг, ранены двое офицеров и трое попали в плен.

В Тавастгусском пехотном полку (один батальон) из 25 офицеров потеряно 12, погибли 8, в том числе командир подполковник Адам фон Кехлер, и племянник командующего капитан-лейтенант Карл Армфельт, трое ранено, один попал в плен.

В Выборгском полку (один батальон) из 8 офицеров погибло 7, в том числе командир майор Торстен Егерхорн аф Сторбю.

В Саволакском двухбатальонном полку из 21 офицера погибло 7 и двое попали в плен.

В Нюландском полку (один батальон) из 25 офицеров потеряно 14, погибло 11, ранено двое, пленено двое, в том числе майор Ионас Хиннель.

В Эстерботтенском двухбатальонном полку из 20 офицеров потеряно 13, погибло 10, в том числе подполковник Лоренц Лаутербах и майор Даниэль Мерлинг, ранен один и попало в плен двое офицеров, в том числе племянник командующего феник (прапорщик) Эрих Армфельт.

В финском вербованном батальоне майора Исаака Ватранга из 11 офицеров погибло 6, включая командира, и пленено трое.

Погибли командующий кавалерией правого фланга командир Абоско-Бьернеборгского рейтарского полка майор Кристофер фон Фрейденфельт и командир Нейшлотско-Выборгского полка майор Филипп-Иоганн фон Блекен (полными данными по потерям кавалерийских полков автор не располагает).

Таким образом, потери пехоты составили

77 офицеров убитыми, 9 ранеными и 17 пленными из 141, кавалерии, артиллерии, штаба и ландсверна – 73 офицера убитыми и трех пленными. Здесь следует принять во внимание, что офицеров в кавалерии насчитывалось 82, в артиллерии их вряд ли было более 5-6, а число офицеров штаба и ополчения нам неизвестно.

К чему приведены эти цифры? Если даже принять, что потери рядового состава были тоже соответственно на уровне 60-80 %, то картины полной гибели корпуса Армфельта не складывается. Цифра из 170 убитых и пленными офицеров из 223 (74%) говорит лишь о том, что остальные 53 (26%) офицера, если не считать кавалерийских, которые пали в битве почти все, сумели отступить и остаться в строю.

При этом в числе уцелевших числятся шесть полковников из семи (справедливости ради нужно отметить, что один из них, полковник Штерншанц, самовольно покинул ряды войска из-за несогласия с решением командующего принять сражение). Уцелили пять подполковников из восьми, до половины майоров и капитанов.

Некоторые полки сумели сохранить свое боевое ядро, так, в Эстерботтенском полку погибло и попало в плен всего 168 человек из 669 (36%).

Шведские и финляндские исследователи битвы рисуют, видимо, более близкую к истине цифру потерь, исходящую из реляции Армфельта Королевскому совету. Он докладывал о 1600 убитых, более 500 пленных и 900 раненых, которые отступили или были эвакуированы. В то же время в шведском и финском историческом обороте попадают цифры русских потерь от 1800 до 3000 убитых и раненых, а общая численность русских войск доводится до 16000 человек, видимо, чтобы было не так обидно для национальной гордости.

Впрочем, если вспомнить, что в отечественной исторической и популярной литературе о «сражении при Лаппола» с подачи реляции Голицына 1714 года до сих пор говорится о 8 тысячах регулярных шведских войск, 6 тысячах ополченцев и 5 тысячах убитых...

Документы – хлеб истории. Но не всегда этот хлеб можно вкушать без опаски. Как известно, никогда так не врут, как на войне, после охоты и перед свадьбой. Многие ученые и исторические авторы, радеющие не столько об установлении истины, сколько о поднятии авторитета своих государей, своих полководцев и своей армии, наконец о воспитании молодежи на героических примерах, способны причинить на бумаге такие потери вражеским войскам и флотам, каких отечественным полководцам и флотоводцам далеко не всегда удается добиться военными средствами...

Разнобой в оценках потерь, возможно, следует отнести и за счет неучтенных регулярных войск и ополченцев Армфельта. Так, в разных шведских и финских источниках численность Абоского пехотного полка колеблется от 385 до 455 человек, Савакского – от 585 до 700 человек, Ньюландского – от 130 до 326 человек и т.д.

Известный исследователь Северной войны А.Беспалов (Москва) полагает, основываясь на данных шведского историка Лангемарка, что общие силы шведов составляли 8 тысяч человек – 5200 регулярных и 2800 ополченцев, не считая нескольких маршевых команд, прибывших накануне. С их учетом шведский корпус должен был насчитывать от 6500 регулярных и до 3700 иррегулярных войск. Численность орудий, судя по наличию амбразур на чертеже редута у Напо, составляла 7 пушек и 4 гаубицы.

А так как Армфельт, по мнению Беспалова, оставил треть своего корпуса у Вазы, а на север после поражения ушло примерно 3200 человек, то число шведов и финнов при Стуркюро автор выводит до 7 тысяч. Общие же их потери с учетом побитых конницей в преследовании составляют до 3000-3100 человек.

Здесь остается лишь вспомнить достопамятную сентенцию А.В.Суворова: «Да пиши больше... Чего их, басурман, жалеть!»

Итак, шведы были разгромлены, но полностью не уничтожены, до половины их сумело отступить. Что, впрочем, не отрицает того очевидного факта, что корпус Армфельта как реальная боевая сила перестал существовать.

Итоги битвы

Оценивая итоги сражения, следует отметить, что при Стуркюро ведомые русскими полководцами русские солдаты сумели разбить сильного, дравшегося с отчаянием обреченных противника, для которого побеждать, будучи в меньшинстве, было не впервой. Это первая победа Северной войны, проведенная русской армией самостоятельно, без участия иностранных офицеров, которых князь Голицын не слишком жаловал, предпочитая выдвигать своих.

Русский стратег сумел нанести внезапный удар через финляндские снега и навязать Армфельту свой сценарий битвы, сразу поставив его войска в невыгодное положение. Он своевременно провел свой маневр через леса на охват неприятеля, применив нетрадиционное построение в четыре линии. Русские измотали и выбили главную силу

противника — пехоту, задействовали в полном объеме свою артиллерию и в самый драматический момент ударили на флангах, окружили неприятеля, разбили его и добились в преследовании.

Если Голицын быстро и без потерь сумел организовать марш своего отряда, состоявшего из конницы, лыжников и пехоты, то Армфельт никак не сумел ему помешать, применяя для этого, например, засады, лесные засеки, партизанские действия лыжных диверсионных групп из местных финнов. В отличие от своего соперника, он не имел лыжных подразделений и даже не пытался их создавать.

В то время как Армфельт изнурял и морозил свои войска в трехдневном бесцельном стоянии у Напо, Голицын все сделал вовремя, совершив рискованный, но успешный фланговый марш-маневр через леса, скалы и болота. Шведский командующий упустил свой единственный шанс смять противника в момент выхода из леса и развешивания на позиции.

Его артиллерия прекратила огонь практически в начале сражения, боясь поразить своих, в то время как русская сумела обеспечить весьма интенсивный темп стрельбы и нанести большие потери врагу. Если шведские пушки сделали за время сражения всего 68 выстрелов, то русские батареи — 750, в том числе 320 — картечью.

Шведская финляндская кавалерия образца 1714 года, демонстрируя закат своей былой славы, вела себя пассивно и бежала при первом же ударе неприятеля. Русская кавалерия сыграла решающую роль в битве, решительно атаковала врага в пешем и конном строю, завершив его разгром длительным преследованием. Воспитанное за 14 лет войны петровское драгунство исполнило при Напо одну из лучших своих партий.

Крестьянское и мещанское ополчение, неопытные рекруты пятой очереди, от большой нужды поставленные шведами в строй, сыграли в сражении скорее отрицательную, деморализующую роль. Голицын же в поход отобрал лучших солдат.

Иррегулярной казачьей коннице он не поручил серьезных задач, зная, что казаки на штыки пехоты все равно не полезут и от боя с регулярной кавалерией, скачущей колено к колену, уклонятся, рассеявшись, как рой мух. Их задача — навести панику в тылу, создать видимость окружения, отвлечь внимание, наконец, преследовать отступающих неприятелей на своих резвых, выносливых донских и калмыцких конях, способных добывать копытами корм из-под снега. Дело казаков — «малая война»: разведка, дозоры, набег, рейды по разорению операционной базы неприятеля, с чем они отлично справлялись.

Обе стороны в целом сражались храбро, стойко, при необычайном напряжении сил, в суровых природно-климатических условиях. Шведско-финское воинство, оказавшееся в меньшинстве, было достойно победы, но на последнем «экзамене» Северной войны русская армия снова превзошла своих бывших учителей, доказав, что достигла европейских образцов военного искусства.

Следствием битвы стало почти полное очищение Финляндии от шведских войск. А те, что оставались, не представляли угрозы.

Помимо слабых (около 3 тысяч) сил Армфельта, ставших к весне гарнизонами в нескольких городках на северо-восточном побережье Ботнического залива, шведы в очень малом числе оставались только в крепостях Нейшлот (Савонлинна), которая пала в июле 1714 года, и замке Каянаборг (Каяни), который был взят и взорван русскими в феврале 1716 года.

Между русскими и шведами возникла обширная разоренная и безлюдная зона. В августе 1714 года кавалерия Армфельта продвинулась на юг, в Эстерботнию, но тут же отыграла обратно. Перед угрозой русской армии и галерного флота, не принимая боя, форсированным маршем Армфельт опять отступил. Казаки и драгуны Чекина предали разорению северные приботнические области.

Военно-стратегическое положение России улучшилось: она смогла провести успешные морские и десантные операции будущего лета и с помощью галерного флота перенести войну на территорию Швеции.

Возможно, победа приблизила бы если не мир, то мирные переговоры. Но в сентябре непримиримый и упрямый Карл XII возвратился из Турции и вновь возглавил королевство и армию. Однако и он вскоре понял, что с Петром нужно замиряться. Но после того как в феврале 1716 года то ли шальная вражеская, то ли своя злонамеренная пуля оборвала его бурный жизненный путь в траншее у осажденной норвежской крепости Фредрикстен, в Стокгольме при новой королеве Ульрике-Элеоноре усилилась партия войны.

Награды и отличия

По словам Пушкина-историка, «сей победой Финляндия очищена, Петр был в восхищении». Царь при известии Голицына о том, что «милостью Божией и Вашего Царского Величества счастьем над неприятелем учинилась Викто-

рия», писал князю из Санкт-Петербурга 15 марта: «Приятное Ваше письмо через адъютанта Вашего Мы получили здесь и zelo тому обрадовались, что Господь Бог не оставляет милостью своей и такую викторию даровал в начале сего году. Дай Бог чтобы сей цвет был доброму миру началом. При сем поздравляем Вашей милости повышением в чине за Ваше мужество и достоинство. Прошу мой поклон отдать всем вышним и нижним офицерам и рядовым и благодарность за храброе дело». И спустя время писал: «Не можно ли тех шведов еще далее отбоярить?»

Виктория была отмечена надлежащими награждениями и триумфами. Ее «грыдоровал» известный художник-гравер Алексей Зубов. Для наиболее отличившихся офицеров было выбито 35 золотых медалей «За Вазское сражение».

Голицын был пожалован званием генерал-аншефа и 10 тысячами рублей, которые он благородно обратил на шитье сапог своим пообносившимся солдатам (потратить он деньги на себя, кто вспомнил бы об этом награждении?).

Войсковой атаман Василий Фролов после победы в «Свейской войне» за битву при Вазе был жалован «портретом Царского Величества, алмазами украшенным», а Войско Донское – почетными знаменами.

Чекин, Чернцов, Бутурлин и Чернышев были награждены «парсунами царскими» из битых шведских серебряных монет.

В Стокгольме раздавали в это время совсем других «слонов». Армфельт и де ла Барр были отданы под военный суд и приговорены к смертной казни через повешение. Первый – с формулировкой «за нераспорядительность», второй – «за трусость». Однако король Карл, очень кстати для них прибывший из турецкого «гостевания», отменил приговор и вернул обоих на службу. Армфельт вместе с де ла Барром, который стал генерал-майором, принимал участие в неудачном для шведов походе в Норвегию в 1718 году.

Любопытный факт: потомки умершего в 1735 году в своем финляндском имении Армфельта служили России, как и потомки полковников и баронов Эссенев, Майделей, Иксюлей, Фитингофов, Таубе, де ла Барров и прочих.

Триумф и трагедия

Сражение стало еще одной славной страницей в петровской «Книге Марсовой», строчкой на скрижалях военных побед России. Но, как часто бывает, победа одной стороны означает нацио-

нальную катастрофу для другой. В шведской и особенно финляндской истории эта битва – горестная страница «Великого лихолетья», «Божьего гнева». Это – пример неравной борьбы героических сынов Швеции и Страны Суоми с вековым врагом, патриотического самопожертвования офицеров, солдат и крестьян ради Отчизны и воинского долга. Стуркюро для финского национального сознания значит то же, что для венгров битва с турками при Мохаче в 1526 году или для русских – сражение с монголами на реке Сить в 1238 году, которые привели к потере национальной независимости, разорению земли, гибели и пленению многих людей.

Уже в 1920 году иждивением и трудами молодого финляндского государства местных властей, членов шюцкора и жителей губернии Эстерботтен и коммуны Исокюро (Стуркюро) у древней церкви были построены мемориал и музей битвы. На примере ее героев десятилетиями воспитывали молодежь Финляндии, отправленную воевать с СССР в двух войнах подряд. Сменились эпохи, русские и финны давно уже не враги, время излечило взаимные застарелые обиды. Но эта скорбная память о Стуркюро и «Великом лихолетье» в Суоми жива, как жива у нас память Бородин и Куликова поля.

Финский шведоязычный поэт Лео Огрен писал в 1960 году:

*В безнадежной битве при Стуркюро
Среди отчаяния и метели
Пал среди многих
Офицер Бьернеборгского полка короля.
Мародеры оставили лишь рубаху в крови,
А шпага, ботфорты и перстень
Послужили еще другим.
Товарищ вывез тело в Нью-Карлебю
По снегу на крышке гроба.
В подвале кирхи покоится прах,
Уже два с половиною века
К вящей гордости прихожан
И чокнутых краеведов.
Не знаю, что думал тот лейтенант
В последний миг своей жизни,
Но понимаю, что страшным
Было дело при Стуркюро.
Две тысячи сумели убить за час
Уже в 1714 году!
Зная это, не удивляюсь тому,
Что случилось столетиями позже...*

Память 300-летия

19 февраля этого года в Исокюро (Стуркюро) прошел национальный юбилейный День памяти, посвященный 300-летию битвы и поминовению жертв «Великого лихолетья», — во многих приходах Финляндии сохранены их именные списки.

В программе Дня памяти — богослужение в приходской церкви и проповедь епископа, возложение венков к памятникам битвы. В образовательном центре Исокюро выступили с докладами профессор Кари Хокканен, исследователь Вилле Саркамо и профессор Густав Вилкуна.

Однако февраль — не лучшее время для массовых мероприятий.

8-10 августа 2014 года в Исокюро (Стуркюро) состоится посвященный дате международный историко-культурный фестиваль «Жизнь в войне и мире». Цель его состоит в том, чтобы привнести в человеческое сознание современников мотив и историю того трагического и героического времени, в котором были не только кровавые битвы, но и повседневная жизнь людей — крестьян, мещан, солдат.

В древней кирхе Исокюро (Стуркюро) прозвучит научный доклад на тему «Женщины и дети в истории Северной войны».

Будет организован военно-исторический рынок народных промыслов, в котором примут участие 150 торговцев и ремесленников. В выходные дни гости праздника смогут послушать музыку и освоить танцы того времени, а также разучить танцы

начала XVIII века. Местный музей представит свои экспозиции. Кроме того, местный театр даст спектакль на тему битвы.

Память Стуркюро принадлежит не только Финляндии. Международный лагерь энтузиастов военно-исторической реконструкции из Швеции, Финляндии, России, Украины, Эстонии и Латвии будет оборудован возле средневековой церкви. В нем публика увидит военно-походный быт, униформу, амуницию, строевые и ружейные приемы, тактику воюющих армий Северной войны.

8 августа с 12 часов солдаты ожившей военной истории покажут публике сражение в условном, но все-таки живом историческом действии. Возможно, Стуркюро станет местом ежегодных международных встреч любителей военно-исторической реконструкции, подобно Бородину, Ватерлоо, Лейпцигу, Маренго и др.

И это знак того, что примирение народов состоялось.

Сергей Петрович ЛАПШОВ

родился в деревне Великая Губа Медвежьегорского района Карелии.

Окончил истфак Петрозаводского университета.

С 1995 года — корреспондент республиканской газеты «Карелия»,

с 1999 года редактор военно-исторического альманаха-приложения «Военный вестник».

Член Морского клуба «Полярный Одиссей»,

Клуба любителей военной истории г. Петрозаводска «Стягъ» с 1995 г.,

руководитель группы реконструкции «Петровский экипаж»,

член Международной военно-исторической ассоциации (Москва).

Автор ряда популярных публикаций по различным разделам военной истории в карельской и российской периодике.

